

Любовь Орлова не была комедийной актрисой. Она не была и актрисой романтической. Главная героиня советского экрана 30—40-х не вписывается ни в одно амплу, как не вписывался сам этот странный, громоздкий, громахающий, безусловно, тоталитарный, безусловно, обслуживавший власть, но яркий, завораживающий и по-своему обаятельный кинематограф в традиции и каноны, установленные теоретиками. Это уже потом, спустя много лет, обнаружилось сходство кинематографических путей, которыми шли сталинский Советский Союз и гитлеровская Германия. Но путь самой актрисы, волею судьбы ставшей символом эпохи, оказался куда более сложным и противоречивым.

Поразительно: звездный взлет Орловой длился всего 13 лет. Таково расстояние от «Веселых ребят» до «Весны». К 1934 году, когда киноработники, откликнувшись на партийный лозунг «Смех — родной брат силы», обратились к комедии, она была малоизвестной и уже не очень молодой актрисой музыкального театра. Снялась, правда, в одном немом и одном звуковом фильме. С Григорием Александровым — будущим супругом и режиссером, выплывшим ее как Пигмалион Галатею — встретила в сентябре 1933 года на каком-то случайном концерте.

Домработница с Красной площади

Сегодня Любови Орловой исполнилось бы 95

Об их отношениях с Александровым сейчас говорят всякое. Теперь вообще чуть ли не высшей журналистской доблестью считается умение подсматривать в замочную скважину. Слава Богу, самые сильные из теперешних звезд умеют постоять за себя. В этом смысле говорить об умерших легче: они не отвечают, не влепят пощечину, и заступиться за них, как правило, уже некому.

Судьба Орловой трагична именно потому, что только 13 лет из 74 прожитых длился ее взлет. Никто, кроме нее самой, не мог бы оценить, счастьем или трагедией был ее творческий и супружеский союз. Скорее всего, и тем, и другим. Александров сделал из Орловой звезду, вознес на немыслимую высоту. Но он же создал стереотип. Кто знает, как и что могла бы играть эта женщина, кроме Дунь, Стрелок и Анют, возносящихся «светлым путем» в социалистические небеса. Ее любили именно и только за это, не понимая, что она могла быть другой. «Стрелка, пой», — требовали от одной из ее героинь, и точно так же от самой Орловой ждали повторения «на бис».

Между тем она была аристократкой — и по происхождению (Орлова из старинного дворянского рода, что, впрочем, тщательно ею скрывалось), и по воспитанию. Сегодня это особенно заметно даже в самых «простонародных» ее ролях. И уже тем более — в «Цирке». Какой гордой, недоступной, презрительной кажется ее Марион Диксон, как возвышается над теми, кого считала не-

достойными и мелкими! Вопреки всем ее растрепанным Дуням и Анютам Орлова считалась эталоном красоты и роскоши. Именно она была Женщиной нашего кино.

Но Александров снимал музыкальные феерии — своего рода визитные карточки страны, такие же, как мухинские «Рабочий и

колхозница» и чкаловские перелеты через полюс. И потому Орлова снималась в музыкальных феериях и нигде более. Она только в 54 года вернулась в театр. Наверное, могла бы сыграть леди Макбет, Раневскую, кого-то из «трех сестер» да в конце концов ту же Галатею или Элизу Дулитл. Но ей выпало танцевать, петь и маршировать по Красной площади.

Так или иначе, Любовь Орлова — единственная в истории отечественного кино звезда в высшем, голливудском понимании этого слова. Понятная на экране и абсолютно недостижимая в реальности. Прочно ассоциирующаяся с грандиозными декорациями, многотысячными массовками. Всегда бодрая, всегда радующаяся жизни — пусть и картонной, ненастоящей, но заманчиво гипнотизирующей.

После «Весны» она оставалась звездой. Пожалуй, даже стала более загадочной и непонятной. Помню, как в 60-е говорили о ее необъяснимо молодом облике, о пластических операциях. После «Весны» она перешла в разряд дивных легенд, и даже появление в каких-то необязательных, «неорловских» ролях вроде сестры Глинки («Композитор Глинка») или певицы Платоновой («Мусоргский») ничего не меняло. Это была уже не Орлова. Вернее, не та Орлова, лицо которой можно было бы сделать эмблемой «Мосфильма» или даже поместить на гербе великой большой страны. Просто какая-то очень похожая актриса с той же фамилией.

Искусство и власть — тема вечная. Волею случая, соединившего осенью 1933 года маститого режиссера, друга Эйзенштейна, и никому не известную опереточную барышню, Любовь Орлова оказалась почти на полтора десятка лет в центре великого противостояния. Она стала символом времени, но была подавлена временем. Ее любили, но только и не столько как женщину, но как материальное воплощение советской мечты. Мечты ослепительно яркой. Мечты несбыточной. Мечты, разбившейся и печально раставшей.